

УДК 1(091)

КОНЦЕПЦИЯ ВОЗВЫШЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА И НАРРАТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ Ф. АНКЕРСМИТА¹

А.А. Аванесян

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Обращение Ф. Анкерсмита к категории возвышенного становится логичным развитием тех выводов, к которым философ приходит в рамках анализа нарративной структуры исторического исследования. Каждое повествование представляется глубоко индивидуальным, личностно окрашенным текстом, поскольку выражает авторское восприятие прошлого. Авторское видение неизбежно проявляет себя в нарративе уже на уровне стиля изложения, что поднимает вопрос о соотношении индивидуального восприятия прошлого с эпистемологическими стратегиями исторического познания. Концепция возвышенного исторического опыта увязывает постижение истории с ностальгическим опытом переживания смены идентичности, чувством становления самосознания, которое закладывает архетип осмысления прошлого.

Ключевые слова: *нарратив, аналитическая философия истории, возвышенный исторический опыт.*

Теория возвышенного исторического опыта выстраивается Франклином Анкерсмитом как попытка преодоления того, что им обозначается эпистемологической историей. Категория опыта в этом смысле противопоставляется практике традиционной исторической дисциплины, которая предполагает применение теоретически обоснованной методики исследования, и в первую очередь детально разработанной в рамках аналитической философии нарративной методологии познания прошлого. Отправной точкой при этом оказываются выводы, к которым нидерландский философ приходит в рамках собственной работы над исследованием логики нарративного представления прошлого. Важнейшей особенностью нарратива является его нерепрезентативный характер. Складываясь из отдельных фактических утверждений, целостное повествование не ограничивается по своему значению простой констатацией, беспристрастным описанием событий, даже если историк сознательно ставит перед собой именно такую цель. Исчерпывающе точное, бесспорное описание событий прошлого, как они происходили на самом деле, оказывается невозможным уже в силу того, что иного способа получить доступ к ним, помимо самого текста историка, нет. Историческое сочинение выступает в качестве репрезентации принципиально отсутствующего предмета, а следовательно, не представляется возможным выстроить универсальную стратегию установления достоверности предлагаемого описания прошлого. Объект, репрезентируемый историческим нарративом, обладает существованием только в рам-

---

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века». № 17-33-00047.

ках своей репрезентации. Как это подчеркивалось Х.-Г. Гадамером, предмет исторического исследования не существует за пределами самого исследования [8, с. 287]. С точки зрения Ф. Анкерсмита, это означает, что историк вынужден самостоятельно формулировать предмет исследования в рамках своей работы. И именно от того, как будет сформулирован предмет, зависит характер описания прошлого, отбор и методика работы с источниками.

Нидерландский теоретик вводит понятие нарративной субстанции, выявляя своеобразие нарративного изложения прошлого. Нарративные субстанции – строго индивидуальные сущности, функционирующие исключительно в рамках того повествования, в котором они сформулированы. По сути, каждое историческое сочинение, даже если рассматривать работы, посвященные исследованию одной проблемы, формулирует собственные нарративные субстанции, строго отличные от нарративных субстанций других текстов. Данную особенность исторического повествования отмечал еще А. Данто, придя к выводу, согласно которому возможно бесконечное множество нарративов, верно описывающих одно и то же явление [4, с. 162]. Каждый нарратив подразумевает нечто особенное. Две нарративные субстанции не могут совпадать по своему значению, чтобы это было возможно, тексты, рассказывающие о них, должны быть абсолютно идентичными, но в таком случае речь идет об одной и той же субстанции. По определению Ф. Анкерсмита, нарративная субстанция содержит все свои предикаты с необходимостью, прибавляя или отнимая какую-либо черту от представленного описания, мы получаем совершенно новую нарративную субстанцию [3, с. 197]. Более того, нарративные субстанции не являются описаниями объектов, существующих за пределами текста, даже если их наименование совпадает с таковыми. Эти сущности рождаются и живут исключительно в мире наррации, что подразумевает их функционирование по законам языка. Используя выразительные средства языка, литературные тропы, историк в состоянии совершенно произвольным способом оперировать сформулированными им нарративными субстанциями, предлагая некое видение прошлого: нарративный мир не знает каузальных связей. Ставя задачу раскрыть законы функционирования нарратива, нидерландский философ в итоге приходит к выводу о том, что не существует универсальных правил, с необходимостью детерминирующих способ связи отдельных фактов в последовательное повествование, только в ходе работы историка устанавливаются связи между отдельными событиями.

Нарратив не может быть точным отражением исторической действительности, поскольку не разделяет с ней единую структуру, вернее, само прошлое не обладает характером связного повествования. Строго говоря, структура исторического становления не может быть воспроизведена в точности: заранее, до создания нарративного описания прошлого, невозможно сказать, каким оно было. Произвольным оказывается не только способ связи единичных событий, сами исторические факты должны быть реконструированы на основе сохранившихся источников, и данная реконструкция возможна только в рамках созданного историком повествования. В этом видится принципиальное своеобразие исторического способа познания, в котором факты не устанавливаются, но конструируются с различной степенью вероятности. По этой причине следует различать историческое исследование – установление фактов – и историческое письмо – нарративную интерпретацию фактов, помня, что историческое письмо складывается из тех же предложений, которыми утверждаются единичные фак-

ты прошлого. Как подчеркивал Л. Минк, отдельные события могут быть объяснены только в контексте целостного рассказа, только через их интерпретацию [9, с. 555]. Понимание прошлого может быть выражено только в повествовательной форме и напрямую зависит от этой формы. Каждое историческое сочинение глубоко индивидуально, поскольку предлагает особый способ описания прошлого. Именно то, как историк излагает исторические факты, увязывает их между собой, объясняет их значение, формирует представление о прошлом, фактически создает структуру исторического становления. Ф. Анкерсмит приходит к выводу, что каждое историческое повествование одновременно и дает описание прошлого, и формулирует точку зрения, с которой оно может быть рассмотрено [3, с. 294]. В этом отношении эпистемологическая ценность исторического нарратива определяется тем, насколько индивидуально, ново выражаемое им восприятие прошлого, при условии добросовестной работы с фактами, источниками. Важно, что понимание прошлого формируется не столько набором представленных событий, сколько способом их сопряжения, установления причинно-следственных связей между ними и авторской оценкой, которая непременно содержится в тексте уже на уровне используемой лексики. Если фактический материал исследования может быть фальсифицируем: он либо достоверен, либо нет, то выражаемая текстом точка зрения таким свойством обладать не может. Нельзя утверждать, что некое восприятие прошлого ложно в силу того, что оно не предполагает эмпирического обоснования, напротив, само отношение к прошлому определяет отбор и способ взаимосвязи высказываний в рамках исторического повествования [3, с. 295]. Выражаемая нарративом точка зрения формирует образ прошлой реальности, в соответствии с которым она и может быть описана. В этом смысле историк исследует не реально существовавшую действительность, а то представление о ней, которое у него сформировалось за время работы с документами и историографией.

Проведенный анализ позволяет нидерландскому философу сделать вывод о принципиально метафорическом характере исторического нарратива, который, используя языковые средства, индивидуализирует некое «видение как» прошлого [3, с. 349]. Данная стратегия рассмотрения исторического познания органично продолжает линию аналитической философии истории. «Нарративная логика» во многом развивает идеи Л. Витгенштейна, А. Данто, Х. Уайта и других исследователей, предлагая исследование возможностей языка и повествования для описания процесса исторического становления. И именно в этом пункте философская рефлексия Ф. Анкерсмита делает поворот, выявляя противоречивость и недостаточность метафорического инструментария. Метафора представляется интерфейсом взаимодействия субъекта с объектом исследования, стратегией объяснения, позволяющей как бы перевести произошедшее на язык повествования, изложить прошлое в нарративной форме. Метафора выполняет трансцендентальную функцию, отделяя исследователя от предмета исследования и позволяя неизвестное объяснить терминами более известной системы значений [6, с. 16–17]. Но в случае с историческим познанием не существует объекта исследования в качестве самостоятельной, независимой от субъекта субстанции. Исторический нарратив предлагает метафорическое описание не прошлого как такового, существующего независимо от исследователя, но прошлого, как оно видится историку, некоего индивидуального представления о прошлом, функционирующего исключительно в

рамках конкретного повествования. Это заставляет нидерландского философа искать фундаментально иную модель познания, призванную преодолеть эпистемологическую дихотомию субъекта и объекта. Картезианско-кантианской трансцендентальной линии эпистемологии Ф. Анкерсмит противопоставляет аристотелианскую парадигму познания, основанную на неразделенности субъекта и объекта, слиянии онтологии и гносеологии [2, с. 99]. Исходной точкой любой исторической эпистемологии оказывается положение о том, что прошлое не может быть объектом непосредственного контакта, оно всегда остается за пределами досягаемости настоящего. У исследователя нет возможности приблизиться к произошедшим в прошлом событиям, именно поэтому оказываются необходимы особые методики, выступающие в роли опосредующего звена. Следует отметить, что Ф. Анкерсмит не ставит под сомнение необходимость традиционного исторического исследования, но стремится проанализировать, каким образом историк взаимодействует с прошлым до применения некоего эпистемологического инструментария. Им ставится вопрос о том, как прошлое воздействует на сознание исследователя, как может быть сформировано представление о прошлом, которое в конечном итоге и выражается в историческом нарративе. В терминологии нидерландского теоретика это означает переход от анализа языка к философскому рассмотрению категории опыта.

Своеобразие опыта позволяет Ф. Анкерсмицу рассматривать его скорее как онтологическую категорию: опыт – это не то, что человек приобретает, но то, чем он является [1, с. 314–315]. Получая новый опыт, человек меняется. Опыт захватывает человека, растворяя его субъектность, уничтожая того, кем он был ранее, и формируя новую личность. В такие моменты субъект полностью поглощается объектом, сливаясь с ним. В этом аспекте прослеживается влияние Х.-Г. Гадамера, который, выстраивая концепцию истории действия, также обращался к анализу категории исторического опыта и раскрывал его сущность в принципиальной открытости новому [8, с. 361]. Историк должен быть открыт к восприятию прошлого, свободен от эпистемологических догматов, обращаясь к источнику, созданному в иных социокультурных условиях. Опыт всегда внезапен и возникает в связи с конкретными поводами, он не может быть методологически выстроен, он не достигается преднамеренно, опыт не познается, не открывается, но переживается, что означает фундаментальную индивидуальность опыта, который не может быть объективен, одинаков для разных субъектов. Ф. Анкерсмит в этой связи специально подчеркивает различие опыта чтения текста от его репрезентации. Нидерландский философ отказывается от используемого в герменевтике понятия интерпретации, поскольку стремится четко отделить акт интерпретации от его результата. Опыт чтения не может быть репрезентирован, репрезентируется только значение текста, которое сложилось в ходе его прочтения [1, с. 148]. Опыт не может быть выражен в тексте, выражение получает результат его действия. Опыт восприятия прошлого лежит в основе осмысления и понимания, именно он определяет, какой будет репрезентация, и именно поэтому индивидуален каждый исторический нарратив. Представление о произошедших событиях, точка зрения, с которой они описываются, в этом смысле оказывается продуктом воздействия прошлого, внезапного обретения некоего ощущения прошлой реальности, которое складывается на поверхности непосредственного контакта исследователя с изучаемым текстом.

Опыт прошлого не может быть вызван в рамках какой-либо специальной методики, он проявляется неожиданно для самого субъекта под влиянием исследуемого исторического источника. Ф. Анкерсмит вслед за Р. Бартом связывает подобное воздействие с «эффектом реальности», который проявляется при чтении текста [2, с. 282–284]. Мелкие, не относящиеся напрямую к развитию сюжета детали, случайно упомянутые подробности, авторские особенности изложения – все, что может придать повествованию правдоподобие, вовлекает читателя в пространство нарратива, как бы захватывает его опытом непосредственного столкновения с реальностью прошлого. Основная линия развития сюжета, выстраиваясь в соответствии с каузальными связями событий, рассказывает историю, но реалистичной ее делают дополнительные детали, примечания, а вернее, взаимодействие сюжета и примечаний, рождающееся между ними напряжение. Содержание исторического источника, то, что его автор хотел записать и передать, может быть преднамеренно или случайно искажено, может не соответствовать действительности, противоречить другим источникам, но невозможно исказить то, что вносится в текст непреднамеренно, – подробности бытовой жизни, используемые речевые обороты, приемы описания и т.д. Р. Барт подчеркивает, что подобной дополнительной ценностью зачастую нагружено описание объекта, даже если оно состоит всего из одного слова [7, с. 12]. Выбираемые автором документа для своего повествования слова и коннотации, с ними связанные, нередко становятся источником важной для историка информации. В деталях такого рода окружающая автора действительность запечатлевается помимо его воли, и именно через них она может проявить себя в будущем. Исторический источник, будучи артефактом прошлого, так или иначе сохраняет в себе следы времени создания, что делает его надежным каналом связи между прошлым и моментом настоящего. С точки зрения подхода Ф. Анкерсмита особое значение приобретает тот факт, что эффект реальности достигается исключительно выразительными средствами языка, внутри текста, вне зависимости от того, о чем он рассказывает. За пределами нарратива не остается ничего, что могло бы сделать его более или менее правдоподобным, что еще раз подчеркивает автономию и нерепрезентативный характер исторического повествования.

Традиционная историческая наука не всегда с должным вниманием относилась к подобным проявлениям прошлого, сосредоточиваясь на основном содержании источника. Однако в рамках сложившихся во второй половине XX в. направлений микроистории и истории повседневности именно анализ данного рода иррелевантных деталей, мелких казусов становится ключевым способом постижения прошлого. Радикальным образом при этом изменяется отношение к пониманию сущности исторического развития. Если дисциплинарная эпистемология истории предполагает объяснение единичного события путем его включения в общий контекст становления, то микроистории выводят сингулярный факт за пределы глобального процесса развития, деконтекстуализируя его. Микроистории не репрезентируют процесс общественного становления, не описывают исторические эпохи, не предполагают выработку глобальной периодизации прошлого, они пытаются представить прошлое в повседневной рутине единичных микросообществ. В рамках подобных направлений история не обобщается, а конкретизируется. Такой подход хорошо вписывается в утверждаемое парадигмой эффекта реальности понимание характера исторической действительности. Прошлое окончательно утрачивает единство и целостность, универсальное

видение контекста, каждое историческое сочинение формирует собственное восприятие прошлого, которое зачастую оказывается не сочетаемо с другими подходами: «историописание не имеет никакой структуры референции, которая бы лежала в основе всех исторических репрезентаций» [2, с. 292]. Отказ от универсального целостного взгляда на историческое становление фактически уничтожает опосредующее звено между настоящим историка и событиями прошлого, утрачивает свое значение промежуток времени, отделяющий историка от сингулярного факта прошлого. Непрерывность традиции, в свете которой отдельные эпизоды прошлого проявляют себя в настоящем, с точки зрения деконтекстуальных направлений постмодернистской теории истории перестают рассматриваться в качестве неотъемлемой составляющей исследования. Если историческая наука модерна стремится проникнуть вглубь, усматривая за очевидной хаотичностью и фрагментарностью сохранившихся сведений некоторое единство, то постмодернистская история остается на поверхности бессвязных фрагментов прошлого [2, с. 362–363]. Постепенное перетекание одного события в другое, бесконечный континуум времени, конституирующий саму структуру исторического развития, отходит на второй план, оставляя исследователя один на один с конкретным обстоятельством, единичной точкой в непрерывном потоке становления. Именно в этой непосредственности внезапного контакта Ф. Анкерсмит усматривает глубинную основу исторического опыта [1, с. 181]. Вся полнота своеобразия прошлого наиболее ярко ощущается в контрасте с современностью, когда они одновременно актуализируются в сознании человека. На поверхности такого контакта и рождается понимание прошлого, которое в дальнейшем может найти выражение в историописании.

Деконтекстуализированное событие лишается любого внешнего значения, которое ему может придать нарративная или иная методология, и предстает в своей «семантической наготы», становясь объектом опыта [1, с. 221]. Следует отметить, что опыт не позволяет объяснить исторический факт, для объяснения и понимания его необходимо контекстуализировать, подвергнуть эпистемологической обработке, это необходимая с точки зрения исторического познания операция. Но для Ф. Анкерсмита она предстает вторичной: приобретаемое событием значение выводится не из присущей процессу исторического становления структуры, таковая не может быть обнаружена, смысл событию придает его включение в нарративную структуру исторического сочинения. Исторический опыт выступает в качестве непосредственного восприятия прошлого, которое реализуется до рационального осмысления события. Подход нидерландского философа утверждает несоизмеримость, фундаментальное противоречие между историческим опытом и исторической эпистемологией, однако одновременно с этим подчеркивается, что эффективное познание прошлого возможно только при их сочетании, взаимодействии, и хотя они исключают друг друга, «историку следует сделать из этого исключения узловой пункт своего сочинения» [1, с. 246]. Опыт формирует представление о прошлом, но для его выражения необходима нарративная форма. Способ объяснения, структура повествования, построение причинно-следственных связей и оценок событий, в свою очередь, определяются сложившимися у историка взглядами, опытом непосредственного восприятия прошлого. В рамках своего философского подхода Ф. Анкерсмит предпринимает попытку объединить несочетаемое, связать единой теорией опыт и эпистемологию, для чего обращается к кантовской категории возвышенного.

И. Кант рассматривает возвышенное как чувство, возникающее под влиянием наблюдаемого объекта или явления. Но сам объект при этом возвышенным называть было бы не правильно, поскольку возвышенность не является свойством, которое можно приписать. Оно остается исключительно идеей разума, относимой классиком немецкой философии к категории рефлектирующих суждений [5, с. 268], т. е. суждений, которые выводят общее из особенного. Возвышенное всегда индивидуально, его вызывают явления, представляющиеся несоизмеримыми, несоотнесимыми ни с чем другим, нечто бесформенное, безграничное, то, что выходит за пределы доступного анализу категориальным аппаратом рассудка, стирая границы привычного мира. Возвышенное превосходит способности рационального мышления человека, оказывается действенным опытом непостижимого, позволяя разуму выйти за пределы данного конечного бытия [10, с. 83]. Чувство возвышенного пробуждается внезапно, непреднамеренно и полностью захватывает человека, конституируя представление о явлении, которое не может быть осмыслено иначе. Аналогичным образом, по мнению Ф. Анкерсмита, исторический опыт воздействует на историка – возникая под влиянием текста исторического документа, он всецело остается феноменом сознания личности. Коренья в разуме человека, возвышенное оказывается пространством безграничной свободы, не подчиняется ни физическим законам, ни законам формальной логики, что позволяет сочетать несочетаемые, противоречивые ощущения, как, например, одновременное переживание наслаждения и отвращения. Именно эта особенность категории возвышенного дает возможность нидерландскому философу подойти к сочетанию исторического опыта и эпистемологии, в результате чего складывается теория познания, утверждающая доступность непосредственного взаимодействия, контакта между современностью и прошлым.

Возвышенный исторический опыт рождается на стыке современности и прошлого, когда исторический источник, приоткрывая доступ к прошлой реальности, самим фактом своего существования констатирует ее безвозвратную завершенность. Как это происходит в случае фотографии, которая, будучи снимком действительности, оказывается наполнена бартовскими «примечаниями». Эффект реальности вовлекает зрителя в пространство прошлого, уничтожая ауру времени, но это оказывается возможным только постольку, поскольку фотография ясно свидетельствует об утрате прошлого, невозможности в него вернуться [1, с. 255–258]. Прошлое может быть осмысленно как прошлое, только если оно представляется ушедшим, оторванным от современности, в противном случае оно не выделяется из переживания момента настоящего, не проявляет себя. Ощущение возвышенного трепета проводит четкую границу между прошлым и настоящим, сталкивая их лицом к лицу. Подобное понимание исторического опыта позволяет оценить его соотношение с дисциплинарными стратегиями познания прошлого. Опыт не отрицает необходимости владеть фактическим материалом, знаниями о прошлом. Для возвышенного ощущения прошлого не требуется быть абсолютно с ним незнакомым, свободным от уже сложившейся традиции исследования. Наоборот, только в рамках уже познанного, освоенного осуществим прорыв к возвышенному. Контекст, сотканный традицией изучения прошлого, дает возможность увидеть, но не определяет то, что человек увидит [1, с. 354–355]. Историография исследуемой проблемы остается чем-то внешним по отношению к историку, она формировалась до и помимо него и является в некотором смысле объективной, общей для множества специалистов. Но то, что

историк видит сквозь веками накопленную совокупность исторических сочинений, оказывается только его, сугубо индивидуальным, пониманием прошлого, с чем соотносится субъективный исторический опыт. И этот опыт может окраситься возвышенным переживанием, если затрагивает самосознание, глубинную основу личности человека, в этом случае, как подчеркивает Ф. Анкерсмит, сам исторический опыт дает бытие прошлому [1, с. 368]. Возвышенный исторический опыт представляется опытом переживания своего собственного личного прошлого, осознания происходящих изменений самоидентификации, когда граница между прошлым и настоящим проходит внутри самого субъекта. Восприятие явлений прошлого может стимулировать подобные состояния переоценки своей субъектности, утраты прошлой и обретения новой идентичности. В такие моменты развитие ощущается как нечто, происходящее в данный момент, а история становится личной историей: не внешней сменой событий, но глубоким переживанием течения самого потока бытия. Чувство возвышенного отделяет прошлое от настоящего, рождает ностальгическое понимание утраты бывшей самости, что задает возможность ее объективации, описания как ставшей чужой, навсегда оставленной позади. Таким образом, возвышенный исторический опыт формирует модель постижения процесса становления, дарит гештальт, в соответствии с которым прошлое понимается естественно и непринужденно: «...великие, ценнейшие исторические прозрения всегда уходят корнями в “непреднамеренные, бессознательные мемуары” историков» [1, с. 391].

Возвышенный исторический опыт внезапен, ситуативен и всегда индивидуален, он не может быть основой регулярной методологии, не может быть истинным или ложным. Кантианское чувство возвышенного не является продуктом рассудочной деятельности, оставаясь чистой идеей разума. Возвышенный исторический опыт не дает знания, он не объясняет и сам не требует объяснения, но он создает условия для работы объяснительных стратегий истории, закладывает фундамент, на котором возводится здание исторического исследования: «... исторический опыт не слуга, а проводник истины» [1, с. 428]. Рождаясь на поверхности контакта историка с исторической традицией, возвышенный исторический опыт формирует представление о прошлом, индивидуальное восприятие, точку зрения, с которой историк подходит к предмету изучения. Само же исследование, написание исторического нарратива складывается в соответствии с той эпистемологической моделью, которая наиболее близка авторскому видению прошлого. Ф. Анкерсмит развивает концепцию возвышенного исторического опыта как попытку объяснить, каким образом прошлое может проявить себя в настоящем, воздействовать на сознание историка. Ключевым пунктом при этом оказывается травматический опыт осмысления человеком своей собственной личной истории, истории становления самосознания, которая оказывается архетипична для постижения процесса исторического становления и прошлого во всем его своеобразии и принципиальной противоположности ситуации современности.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
2. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.

3. Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
4. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
5. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: в 4 т. М.: Наука, 2001. Т. 4. 1113 с.
6. Кукарцева М.А. Ф. Анкерсмит и «новая» философия истории // Ф. Анкерсмит. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 14–63.
7. Barthes R. The reality effect // French literary theory today: a reader. Cambridge, 1982. P. 11–18.
8. Gadamer. H.-G. Hermeneutik I. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik // Gesammelte Werke. Tübingen: Mohr Siebeck, 1990. Bd. 1. 495 s.
9. Mink L.O. History and Fiction as Modes of Comprehension // New Literary History: History and Fiction. 1970. V. 1, № 3. P. 541–558.
10. Show P. The Sublime. N.-Y.: Routledge, 2007. 168 p.

F. ANKERSMIT'S INTERPRETATION OF SUBLIME HISTORICAL EXPERIENCE AND NARRATIVE METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH

A.A. Avanesyan

Tver State University, Tver

F. Ankersmit's interpretation of the sublime category becomes a logical continuation of the conclusions reached in his analysis of the historical narrative structure. Each narration is represented by deeply individualized, personally colored text expressing its author's perception of the past. The author's vision inevitably manifests itself in the narrative already at the level of the content presentation style thus raising the question of the relationship between the individual perception of the past and the epistemological strategies of historical cognition. The concept of sublime historical experience links the comprehension of history with the nostalgic experience of an identity change, a feeling of becoming self-conscious that constitutes the archetype of the past understanding.

Keywords: *narrative, analytical philosophy of history, sublime historical experience.*

Об авторе:

АВАНЕСЯН Артем Александрович – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». E-mail: timmyy@ro.ru

Author information:

AVANESYAN Artem Alexandrovich – PhD student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: timmyy@ro.ru